

XXII

Дорогой Евгений Александрович,

Наконец-то я нашел, куда Вам написать. Мои письма (2) на адрес г. Станкевича, вероятно, не дошли до Вас, или же Вы так всецело были заняты книгопечатными делами, что у Вас не нашлось времени ответить. Во всяком случае так я объясняю Ваше молчание, чтобы не думать о забвении или новой опале.

Пытаюсь еще раз предложить Вам и изд-ству перевод «Дон Карлоса». Повторяю, что после перевода Мих. Достоевского (в начале 50-х или конце 40-х годов) — это первая попытка. Здесь, во Франции, я еще раз отшлифовал его по компетентным указаниям знатока нем[ецкой] литературы М. О. Цетлина. Письмо его прилагаю.

Не говорите сразу «нет». Прочитайте на выдержку несколько страниц спереди, сзади, из середины, если не хватит сил одолеть все. Я надеюсь, что перевод... впрочем здесь приличествует молчание.

Бурцев подвел меня своим обещанием написать обширную статью о Ваших книгах, а Бернштейн злодейски окорнал меня и втиснул мою заметку в оскопленном виде, между другими.

«Красная комната» перевалила давно за середину. А. В. Белоборова работает с строгим и трогательным вниманием.

Ваш сердечно А. КУПРИН

14/X.21.

Sèvres (S. et O.) 5, rue Riocreux.

XXIII

[Севр, 11.XI.1921]

Дорогой Евгений Александрович,

Ну, я очень рад, что моя мнительность меня обманула. Здравствуй-те после долгой разлуки!

И все-таки позвольте прислать Вам экземпляр «Дон Карлоса». Конечно, каждый автор пристрастен к своим детищам, хотя бы и кривым и забитым. Это же детище — чужих кровей, воспитанник. Горжусь, что вырос у меня стройным и добрым мальчиком. Я знаю: если он Вам понравится, то шведское изд-ство купит его у меня. Я дорого не запрошу: две тысячи крон за 10—12 тысяч экземпляров. Эта сумма выручит меня из петли. Если же найдете перевод плохим — вздохну и примирюсь. Миллион раз Вы правы, что мне надо было бы издаться у Вас. Но тогда нужна была сразу сумма для ликвидации финляндского сидения. У меня не хватило выдержки. Кстати, «Библион» и г. Даль беспощадно издают меня на шведском. Узнаю об этом из лестных шведских рецензий.

Ваш А. КУПРИН

XXIV

19 марта 1925

Дорогой Евгений Александрович,

Не упрекать Вас мне приходится за Ваше ходатайство перед великодушным чешским правительством, а сердечно, долго и тепло благодарить. Ваше милое письмо явилось для меня — просто чудом, ибо за полмесяца до него иссяк единственный источник, который, в некоторой степени регулярно поддерживал мой скромный бюджет. А о досуге Вы упомянули совершенно правильно. Со ссудой из Праги я смогу освободиться от надоедливой, истощающей воображение и портящей художественный язык ежедневной газетной работы (фу, какая неуклюжая фраза!). Так страшно хочется написать две вещи — пьесу и роман, ко-